

Elena STYAZHKINA

ORAL HISTORY:
THE INSTITUTIONALIZATION OF DIRECTION IN THE RESEARCH PRACTICES
OF HISTORIANS IN THE DONBASS

Oral history in the region is institutionalized in two directions. The first trend relates to the interest in the memory of the certain social and age groups, manifested at the level of state and public structures. Oral materials are collected as an initiative of the state administration but without the participation of professional historians.

The second trend relates to the fact that many in the university environment have grown to understand the necessity of teaching a special course on "oral history" for the Masters of History post-graduate degree.

The problem of institutionalization of oral history in the region also lies in the methods of storage and the inability to re-use of the received sources. The accumulated data becomes the property of the authors and private collectors. But not the property of all.

Константин КОЗЛОВ

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ В СОВЕТСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ
в 1920–1980-е гг.**

Активизация исследований в области устной истории в современной России определяет необходимость осмысления исторического опыта становления данного исследовательского направления в отечественной социально-гуманитарной мысли. В настоящее время в отечественной науке во многом априорно признается приоритет европейской и американской традиции в области устной истории. Вызывает уважение масштабность задач, решаемых зарубежными исследователями. Однако устная история не является исключительно академическим научным направлением исследования, она во многом включена в общественные процессы и отражает социокультурную специфику каждой страны и даже отдельно взятого региона. Именно поэтому особый интерес для современного исследователя представляет институционализация устной истории, формы ее существования в советской гуманитаристике.

Складывание практики фонографической записи в России связано с деятельностью С. И. Бернштейна, работавшего в Институте живого слова (1920–1924 гг.), а позже в Институте истории искусств (1924–1930 гг.), где он записывал выступления русских поэтов. С его инициативой связано создание в 1932 г. Центрального государственного архива звукозаписей.

Складывание российской традиции устной истории можно отнести к 1920-м гг., когда начинается работа по записи и сбору воспоминаний участников общественно-политических событий первой четверти XX в., составивших корпус историко-революционной мемуаристики.

По мнению Л. А. Колесниковой, интерес исследователей 1920-х гг. к мемуарам как историческим источникам был обусловлен следующими обстоятельствами:

— во-первых, необходимостью обеспечить корпусом исторических источников недостаточно исследованную проблематику истории РСДРП и РКП (б), связанную с изучением внутренней жизни партийных организаций, партийного подполья, а также проблематику истории рабочего класса: условий жизни, быта и труда, роли рабочих в создании большевистской партии, психологии пролетария-революционера;

— во-вторых, значительным воспитательным потенциалом мемуаров ветеранов партийной работы: «Нужно молодых коммунистов и вообще членов партии сроднить

со всей партией в прошлом, понять душу этой партии, душу старых работников» (М. С. Ольминский);

— в-третьих, ограниченностью корпуса исторических источников по истории РКП(б), а также недоверием к хранящимся в архивах документам официального делопроизводства государственных учреждений дореволюционной России как к источникам изучения истории революционного движения. В первую очередь это касается фондов правоохранительных органов и органов государственной безопасности, требующих проверки и, в том числе, путем сопоставления с воспоминаниями участников революционного движения;

— в-четвертых, методологической посылкой М. Н. Покровского, считавшего, что история партии должна строиться, прежде всего, на воспоминаниях непосредственных участников, поэтому для ее изучения нужны не столько историки-специалисты, сколько старые партийцы¹.

В 1921 г. была создана Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии (Истпарт), просуществовавшая до 1928 г., когда она была включена в состав Института Ленина. Главной задачей деятельности комиссии были собирание и сохранение документов и недокументированных свидетельств революционных событий.

Сотрудниками Истпарта использовались различные способы сбора устных воспоминаний, а именно — обращение к отдельным участникам революции и Гражданской войны с просьбой написать воспоминания по определенным темам и рассылка анкет, которые должны были помочь мемуаристам систематично и, по возможности, максимально полно воспроизвести события прошлого. Своеобразной формой коллективно-мемуаротворчества в деятельности Истпарта стали вечера воспоминаний. Участники, приглашенные на этот вечер, получали перечень вопросов, в соответствии с которыми они должны были строить свое выступление.

Из числа общественных организаций, занимавшихся массовым сбором воспоминаний, особое место принадлежит Всесоюзному обществу политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Главной задачей образованного в 1921 г. и просуществовавшего до 1935 г. общества было собирание и публикация материалов, касающихся жизни и быта каторги и ссылки. Проблематика записываемых воспоминаний касалась в первую очередь дореволюционной каторги и ссылки. Кроме этого, общество специализировалось на изучении ранних этапов освободительного движения, в первую очередь, истории народничества. С 1925 г. по 1927 г. было проведено 12 вечеров воспоминаний об эпохе «Народной воли», а также были застенографированы и опубликованы воспоминания народовольцев. Публиковались воспоминания по большей части в журнале «Каторга и ссылка» (1919–1935 гг.), либо отдельными изданиями².

Достаточно интересным представляется опыт редактора «Крестьянской газеты» Я. А. Яковлева, который в 1925 г. разослал обращение селькорам газеты с просьбой написать свои воспоминания о борьбе крестьян с помещиками в 1917 г., к которому был приложен вопросник. Инициатива Я. А. Яковлева получила поддержку среди селькоров, которыми было подготовлено и отправлено в газету порядка 500 воспоминаний³.

В 1930-е гг. в СССР были реализованы два уникальных по масштабам и спектру поставленных задач исследовательских проекта — написание «Истории Гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов», в рамках которых устная история становилась одним из ведущих методов исследования и формой изложения одновременно. Особенно это относится к «Истории фабрик и заводов».

Инициатором и вдохновителем этих проектов выступил М. Горький. Его инициатива была оформлена в 1931 г. правительственными документами, которые закрепили за исследованием статус государственного мероприятия. Сбор воспоминаний для «Истории гражданской войны» осуществлялся по уже апробированной Истпартом схеме — рассылка информационных писем участникам войны с просьбой подготовить и прислать воспоминания по интересующим исследователей проблемам. Собранные воспоминания, по замыслу авторов, должны были не только использоваться в ходе написания текста работы, но собранные вместе и соответствующим образом систематизированные, они составляли отдельное приложение к каждому тому «Истории гражданской войны».

«История фабрик и заводов» представляла собой достаточно сложный симбиоз истории и литературы, мемората и фабулата и одновременно идеологическую кампанию, проходившую под лозунгом «рабочие-ударники — в историческую литературу». По мысли М. Горького, воспоминания рабочих не только должны были быть положены в основу многотомного труда по истории отечественной промышленности, но и сами рабочие должны были стать авторами этих книг. Необходимо отметить, что в этих проектах самым ценным, как показало время, являлись собранные воспоминания, которые публиковались уже отдельными изданиями, в общем контексте подготовки к написанию истории Гражданской войны и истории фабрик и заводов. Однако неизбежным недостатком подобных сборников воспоминаний была тенденциозность составления и неполнота представленных точек зрения на рассматриваемые проблемы.

Традиции горьковских начинаний были продолжены в годы Великой Отечественной войны. В 1941–1942 гг. на базе Главной редакции «Истории Гражданской войны» была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны. В 1943 г. И. И. Минц, Э. Б. Генкина, Е. Н. Городецкий и И. М. Разгон, уже работавшие в комиссии, получили Сталинскую премию за второй том «Истории гражданской войны в СССР», опубликованный в 1942 г. Научное руководство комиссией осуществлял И. И. Минц. Начиная с 1941 г. исследовательские группы профессиональных историков стенографировали беседы с военными, государственными и партийными работниками, рабочими оборонных предприятий, жителями территорий, освобожденных от немецкой оккупации. В этой работе были определены принципы отбора интервьюеров, обеспечивавшие репрезентативность получаемой информации. Так, например, исследовательская группа под руководством А. Л. Сидорова в 1943 г. провела запись воспоминаний 77 жителей Харькова, переживших оккупацию. В состав опрошенных вошли представители не только профессиональных, но и социальных категорий, и даже люди, работавшие в немецких оккупационных учреждениях⁴. Начиная с 1942 г. членами комиссии были

подготовлены и изданы методические пособия по сбору материалов и написанию истории воинских частей⁵.

После окончания войны специалисты, работавшие в комиссии, вернулись к своей исследовательской проблематике, а собранные материалы нашли свое место в архиве института истории СССР. Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны являются крупнейшей тематической документальной коллекцией, хранящейся в архиве Института российской истории РАН и насчитывают около 20 тыс. единиц хранения.

Одним из первых отечественных ученых, целенаправленно занимавшийся сбором и записью устных воспоминаний на аудионосителях, был литературовед Виктор Дмитриевич Дувакин (1909–1982). В исследовательское поле В. Д. Дувакина входили писатели и литературоведы, художники, артисты и режиссеры, связанные с эпохой 1920–1930-х гг., а также советские ученые и люди, связанные с историей Московского университета. В 1991 г. на основе созданной им коллекции аудиозаписей воспоминаний выдающихся деятелей отечественной науки и культуры XX в. был создан отдел устной истории Научной библиотеки МГУ⁶.

Интересным и перспективным в плане дальнейшего изучения является рассмотрение опыта устной истории в творчестве отечественных писателей и журналистов. Появление и развитие нового жанра — интервью с участниками Великой Отечественной войны — и создание на этой основе исторических и публицистических работ связано с деятельностью К. М. Симонова, С. С. Смирнова, Д. А. Гранина, А. М. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника, Л. П. Овчинниковой, С. А. Алексиевич и др.⁷

В настоящее время невозможно представить историю Великой Отечественной войны без эпизода героической обороны Брестской крепости, которая не была зафиксирована в материалах делопроизводства. События этой обороны были восстановлены С. С. Смирновым по устным рассказам очевидцев⁸. К. М. Симоновым, исповедовавшим убеждение, что «никто не может сказать: "Я знаю о войне все!" Все о войне знает только народ. Так давайте записывать народ!», была предпринята попытка создания фонда устных мемуаров ветеранов войны, из которого выросли его кино- и телепроекты («Шел солдат» (1975), «Солдатские мемуары» (1976)⁹. Журналистская деятельность С. А. Алексиевич позволила собрать и сохранить информацию о малоизвестных обстоятельствах повседневной военной жизни, которая вымарывалась цензурой или долгое время оставались вне поля зрения исследователей¹⁰.

Особое место в отечественной устно-исторической традиции занимает работа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», в которой было воссоздано эпохальное полотно функционирования советской репрессивной системы 1920–1940-х гг. на основе свидетельств очевидцев. В предисловии он указывает, что материал для книги дали в рассказах, воспоминаниях и письмах 227 человек, «но не настала та пора, когда я посмею их назвать», одновременно называя автора «доверенным многих поздних рассказов и писем»¹¹.

Интенсивное развитие устной истории в России было связано с демократизацией общественной жизни в 1980-е гг. Большое количество исследовательских проектов общества «Мемориал», Центров устной истории РГГУ и Европейского университета в Санкт-Петербурге, Центра крестьяноведения и сельских реформ в Москве, а также большого числа отдельных ученых подняли устную историю на качественно новый уровень развития.

В целом, на основе вышеперечисленных примеров можно сделать вывод о том, что устная история как метод получения информации о прошлом в нашей стране получила развитие в советской гуманитаристике. Цензурные ограничения во многом определили иллюстративно-фактологический, а не проблемный характер отечественных устно-исторических исследований, не получивших к тому же достаточного методологического и концептуального обобщения. Значительное количество собранного материала не было обработано и до настоящего времени не введено в научный оборот. Для современных исследователей особый интерес представляют методические находки предшественников и их результаты, требующие дальнейшего изучения и публикации.

¹ Колесникова Л. А. Историко-революционная мемуаристика (1917–1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций (методика количественного анализа): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 103–104.

² Там же. С. 142–150.

³ Кабанов В. В. Собрание и публикация в 1920-х гг. крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России//Археографический ежегодник за 1984 г. /Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1986. С. 183–184.

⁴ Курносоев А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собрания)//Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 118–132.

⁵ Курносоев А. А. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР//Археографический ежегодник за 1984 г./Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1986. С. 317.

⁶ Споров Д. Б. Живая речь ушедшей эпохи: собрание Виктора Дувакина//Новое литературное обозрение. 2005. № 74.

⁷ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1981; Адамович А., Брыль Я., Колесник В. Я из огненной деревни... М., 1977; Овчинникова Л. П. Передовая начиналась в цехе. Волгоград, 1983; Она же. Улица среди окопов. М., 1985; Она же. Женщины в солдатских шинелях. Волгоград, 1987; Она же. Колокол на Долгом лугу. М., 1989; Она же. Солдаты тайной войны: по следам судеб разведчиков. М., 2006.

⁸ Смирнов С. С. Брестская крепость. М., 1957; Он же. Герои Брестской крепости. М., 1959; Он же. Рассказы о неизвестных героях М., 1963; Он же. Герои блока смерти. М., 1963.

⁹ Симонов К. М. Солдатские мемуары. М., 1985.

¹⁰ Алексиевич С. А. У войны — не женское лицо... Минск, 1985; Она же. Последние свидетели: Книга детских рассказов. М., 1985; Она же. Цинковые мальчики. М., 1991.

¹¹ Солженицын А. С. Архипелаг ГУЛАГ: В 3 тт. М., 1989.

Konstantin KOZLOV

ORAL HISTORY IN SOVIET HUMANITIES, 1920S–1980S

Intensive researches in the field of oral history in modern Russia predetermine the necessity of comprehension of historical experience of formation of the given research direction in social-humanitarian thought. For this reason the institutionalization of oral history and the forms of its existence in Russian humanities are of interest for modern researchers.

The attempt of creation of a corpus of memoirs of crucial historical events participants (1920–1930) represents special interest. Namely, projects of the Commission on history of the Russian Communist Party (b), the All-Union society of political convicts and exiled on collecting and publication of memoirs of the participants of Narodnik movement, the October revolution and the political prisoners of pre-revolutionary prisons. In 1930th, under M. Gorkiy's initiative, large-scale work on collecting memoirs was started within the framework of two research projects — the creation of “History of Civil war” and “History of factories and plants”.

The most interesting oral — historical project is the activity of the Commission on history of Great Patriotic war at the Academy of Sciences of the USSR. Since 1941, the research groups of professional historians took down in shorthand the conversations with military men, state and party officials, the workers of defense enterprises, the inhabitants of the territories released from German occupation. After the war the experts working in the commission returned to their research problems, and collected materials were placed in the archive of the Institute of the USSR history.

The first Russian scientist purposefully dealing with collecting and recording of oral memoirs on audiocarriers was V. D. Duvakin, historian of the literature, who created an audiocollection of memoirs of outstanding figures of Russian science and culture of the XX century on the basis of which in 1991 the Department of oral history of Scientific library of Moscow State University was created.

The consideration of experience of oral history in the creativity of Russian writers and journalists seems to be interesting and prospective. The appearance and development of a new genre — interview with participants of Great Patriotic war, and creation of historical and publicistic works on this basis is connected with K. M. Simonov, S. S. Smirnov, D. A. Granin, A. M. Adamovich, L. P. Ovchinnikova, S. Aleksievich's activity.

Intensive development of oral history in Russia was connected with the democratization of social life in 1980. A plenty of research projects of the society “Memorial”, the Centers of oral history of Russian State University for the Humanities and the European university in St. Petersburg, the Center of study of peasantry and rural reforms, and a great number of individual researchers raised oral history to a new level of development.

As a whole, taking into consideration above-listed examples, it is possible to draw a conclusion that oral history as a method of getting information about the past in our country. Censorial restrictions determined in many respects illustrative, factual but not problem character of Russian researches in the field of oral history, which did not have sufficient methodological and conceptual generalization. The significant amount of collected material has not been processed and put into scientific usage yet. For modern researchers some methodical finds of predecessors and their results demanding further study and publication present special interest.